

26. Герцль Т. Еврейское государство. С. 41.
27. Herzl Th. Op. cit. P. 335.
28. Агтис Ж.-К., Бенбасса Э. Вымышленный Израиль. М., 2002. С. 207.
29. Герцль Теодор. Сионистские статьи. СПб, 1914. С. 58.
30. Герцль Теодор. Еврейское государство. Опыт новейшего разрешения еврейского вопроса. Одесса, 1896. С.41.
31. Там же.
32. Цит. по: Sykes Christopher. Crossroads to Israel. L., 1965. P. 24.
33. Брандэйс Луи де. Сионизм // Война и еврейская проблема. Москва, 1917. С. 40 – 41.
34. Сакер Говард М. История Израиля. От возникновения сионизма до создания Государства Израиль. Иерусалим, 1994. Т.1. С. 99 – 116.
35. Kagan Genadi E. Der Prophet im Frack: Theodor Herzls russische Mission 1903. Kohn, 2003. S.138.
36. Цит. по: Эли Барнави, Мириам Елиав-Фелдон. Указ. соч. С. 271.

Michail G. Agapov

In Search of the Lost Homeland: Concept Jewish National Home in Works of the Founders of Zionism

Abstract: The author examines the emergence of the idea of a "Jewish national home" in the context of the Zionist movement. The article describes the activities Herzl as president of the Zionist Organization. His contribution to the establishment of a Jewish state. The author addresses the problem of search of the "asylum" for the Jews. He notes the symbolic importance of Palestine.

Keywords: Zionism, Herzl, Palestine, the Basel program, "Jewish national home".

С.В. Абрамов

Абрамов Сергей Викторович, доцент Уральского государственного горного университета, кандидат исторических наук, доцент.

«ЧЕЛНОЧНАЯ» ДИПЛОМАТИЯ СОВЕТСКОГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА А.Н. КОСЫГИНА

Аннотация: Статья посвящена дипломатической деятельности председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина в период Шестидневной войны Израиля с арабскими государствами, а также Октябрьской войны 1973 г. Автор статьи приходит к выводу о том, что благода-

ря деятельности Косыгина удалось выстроить устойчивую систему челночной дипломатии для решения конфликта на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: А.Н. Косыгин, арабо-израильские войны, челночная дипломатия. Л. Джонсон, А. Садат.

Немногие знают сегодня, что в годы, которые позже будут названы «холодной войной», огромную роль в урегулировании арабо-израильского конфликта 1967 и 1973 гг. сыграет видный деятель Советского государства, знаток и организатор экономики – Алексей Николаевич Косыгин. Таких, как Косыгин, всегда отличала прямота, смелость и верность долгу до конца, отказ от любых компромиссов с совестью, полное отсутствие тщеславия, мужество, стойкость и верность Родине. Вадим Алексеевич Кирпиченко, более полувека проработавший во внешней разведке, писал: «Никто другой из советских руководителей не производил на меня такого сильного и глубокого впечатления, как Алексей Косыгин. Прежде всего, он не старался напустить вокруг себя византийского тумана, держался естественно и просто, не подчеркивал ни своей значимости, ни своей осведомленности, ни своей причастности к высшему руководству. Казалось, что громадные знания и опыт начисто избавляли его от необходимости думать о том, как преподнести себя внешнему миру. А.Н. Косыгина отличала компетентность в делах государства и в вопросах экономики, твердость характера, строгость мышления, конкретность во всем» (1). Косыгин, фигура крупная и неоднозначная, тесно связал себя со многими важнейшими внешнеполитическими событиями советской истории XX века, и, особенно – с драматической судьбой арабо-израильского конфликта.

5 июня 1967 г. Израиль в соответствии с доктриной профилактической или, точнее, упреждающей войны начал военные действия против Египта, Сирии и Иордании. Мир, затаив дыхание, вновь следил за событиями на Ближнем Востоке, погружившими его народы в море отчаяния и страданий. То были страшные дни на фоне всеобщего страха, ожидания худшего. Советское правительство немедленно заявило о своей поддержке этих стран. В тот же день оно, добиваясь прекращения военных действий, дало указание представителю СССР в ООН поставить вопрос о немедленном созыве Совета Безопасности.

В Заявлении Советского правительства от 5 июня 1967 г. говорилось: «На такие опасные действия (Израиль. – С.А.) толкнули руководители, которые постоянно заявляют, будто они ведут борьбу за существование Израиля как государства. Но если что-либо способно больше всего подрывать основы развития и самого существования из-

ранльского государства, то это именно такой путь безрассудства в политике, который избрали сегодня руководящие круги Израиля»¹. В Заявлении прочитывается досада на то, что развитие событий пошло по непредсказуемому и опасному пути. На этот раз в Заявлении отсутствовали привычные для подобного рода документов пропагандистские штампы как, например, «сионски империализма». В этом, безусловно, сказались благоразумие, сдержанность и осторожность, постоянно проявлявшиеся главой Советского правительства А.Н. Косыгиным, который в самые драматические моменты арабо-израильского конфликта умел находить достаточно аргументов для той и другой стороны, был готов искать и находил мирные, политические пути решения конфликтных ситуаций. Все это не позволило арабо-израильскому конфликту переместиться из состояния кризиса в состояние надвигающейся катастрофы.

В первый же день конфликта, 5 июня, президентам США и Франции, премьер-министрам Великобритании и Израиля были направлены срочные телеграммы главы Советского правительства.

В частности, в телеграмме израильскому премьер-министру Л. Эшколу действия Израиля квалифицировались как «авантюристический акт», как «прямое и открытое нарушение Устава и принципов ООН»; в ней без нужных дипломатических реверансов говорилось: «Возлагая ответственность на правительство Израиля за совершенное вооруженное нападение на Объединенную Арабскую Республику, Советское правительство настаивает на немедленном прекращении огня и выводе войск с территории соседних арабских государств. Если израильское правительство не внесет голоса разума и не остановит кровопролития, то оно возьмет на себя ответственность за происходящее и его возможные последствия» (2).

В аналогичных телеграммах президенту США Л. Джонсону, премьер-министру Великобритании Г. Вильсону и президенту Франции де Голлю говорилось о том, что «долгом всех великих держав является добиться того, чтобы военный конфликт был немедленно прерван» (3).

В новых телеграммах, направленных от имени А.Н. Косыгина 6 июня, содержались подобные ж слова: «Советское правительство убеждено, что интересам восстановления мира отвечало бы решительное требование о немедленном прекращении огня и отводе войск за линию перемирия. Мы выражаем надежду, что правительство США (Великобритании, Франции) поддержит в Совете Безопасности указанное

¹ Цит. по: Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. М., 2002. С. 64.

требование. Мы его поддерживаем. Надо было бы сделать все возможное, чтобы сегодня Советом Безопасности было принято по этому вопросу положительное решение».

Тем временем маятник войны раскачивался все сильнее. Израильские вооруженные силы, несмотря на решения Совета Безопасности, продолжали наступление сразу на трех фронтах – на египетском, сирийском и иорданском. Не случайно в обращении Советского правительства от 7 июня к правительству Израиля говорилось: «Если сейчас израильское правительство немедленно не выполнит общего требования государств о безотлагательном прекращении огня, которое выражено в резолюции Совета Безопасности, Советский Союз пересмотрит свое отношение к Израилю и примет решение, касающееся дальнейшего поддержания дипломатических отношений с Израилем».

Как следствие, 10 июня 1967 года, когда судьба дружественных режимов Египта и Сирии висела «на волоске», СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем. «Дипломатические отношения были разорваны сразу же вслед за захватом Израилем Голанских высот» (4), – отмечает Е.М. Примаков. В разрыве дипотношений с Израилем ярко проявился проарабский дрейф советской внешней политики. В итоге, Советский Союз больше не только не дирижировал процессом ближневосточного конфликта, но и утратил роль гаранта стабильности ближневосточного региона, хотя логически можно предсказывать иную интерпретацию. Так или иначе, процесс взаимодействия Советского Союза с Израилем был законсервирован на многие годы. По поводу ошибочности или правильности этого решения (разрыва дипотношений) могут быть разные мнения, однако никто не получил оснований для обвинения русского (советского) народа в излишней агрессивности. Как заявил председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин, СССР выступал не против Израиля, а против его агрессивной политики, которую проводили правящие круги этого государства (5).

«Конечно, это был беспрецедентный шаг. Но он был адекватен серьезности положения», – позже скажет председатель ассоциации российских дипломатов Погос Акопов. Академик Е.М. Примаков пишет: «Некоторые считают вторичный разрыв Советским Союзом дипотношений с Израилем мерой чрезмерной, тем более что их восстановление затянулось на долгие годы, во время которых Советский Союз, не в пример Соединенным Штатам, как бы "одной ногой" стоял на Ближнем Востоке, что ослабляло его возможности влиять на ход политического урегулирования арабо-израильского конфликта. Даже признавая логичность такой постановки вопроса, очевидно, нельзя отрывать разрыв дипломатических отношений с Израилем от той реальности, в которой принималось это решение. Победа Израиля над арабскими странами,

вооруженными советским оружием, да еще в условиях нахождения в Египте и Сирии советских военных советников, требовала решительной реакции со стороны СССР. Необходимость такой реакции подогревалась, с одной стороны, американской позицией недвусмысленной поддержки Израиля и с другой – ростом недовольства в арабском мире «пассивностью» СССР. Применение вооруженных сил Советским Союзом было исключено, так как это могло привести к войне с Соединенными Штатами, – и СССР, и США опасались такого развития событий, стремились его не допустить. Дипломатическая активность СССР с целью заставить Израиль прекратить огонь, а затем уйти с оккупированных территорий при противодействии в Совете Безопасности ООН США и их союзников давала далеко не полный эффект и адекватно не укрепляла советских позиций на Ближнем Востоке. Советская пропагандистская машина была запущена, чтобы убедить, что в арабских странах СССР рассматривали как своего «спасителя», но это соответствовало действительности лишь в небольшой мере... Именно в такой обстановке и было принято решение разорвать дипломатические отношения с Израилем – считалось, что в сложившихся условиях этот ход оптимальный» (6).

В тот же день А.Н. Косыгин, сторонник «мирного решения» ближневосточного конфликта, обратился по «горячей линии» к американскому президенту Джонсону с настойчивым призывом, чтобы США потребовал от Израиля безоговорочного прекращения в ближайшие часы военных действий в соответствии с резолюцией Совета Безопасности. Советское правительство заявило, что если Израиль не выполнит этого требования, то с советской стороны будут предприняты необходимые санкции. В сообщении говорилось:

«Уважаемый мистер Президент!

...Наступил очень критический момент, который заставляет нас принять независимое решение, – если военные действия не будут остановлены в течение нескольких последующих часов.

Мы готовы сделать это. Однако эти действия могут привести нас к столкновению, что завершится сокрушительной катастрофой.

Мы предлагаем, чтобы Вы потребовали от Израиля немедленного прекращения военных действий без всяких предварительных условий.

Мы предлагаем Вам предупредить Израиль, что если это не будет принято во внимание, будут предприняты необходимые действия, включая военные.

Просим сообщить Вашу точку зрения.

А. Косыгин».

В обращении Косыгина содержался прямой намек на то, что СССР может предпринять даже «военные акции». Подтверждением тому являются воспоминания бывшего командира атомного подводного ракетоносца «К-172» капитана 1 ранга Шашкова: «Перед выходом на боевую службу я получил устное распоряжение Г.Винокомандующего ВМФ СССР Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова «быть готовым к нанесению ракетного удара по побережью Израиля» (7). «У меня нет никаких сомнений, что капитан 1 ранга Николай Шашков выполнил бы любой приказ командования, если бы локальный конфликт разросся до глобального масштаба. Такова была реальность того времени ...» (8), – говорит адмирал флота, президент союза моряков-подводников Владимир Чернавин.

О том, что силы Советского Союза на Ближнем Востоке были приведены в состояние повышенной боевой готовности говорит и другой факт. Генерал В.В. Решетников, командующий корпусом стратегической авиации, вспоминает: «Я получил приказ подготовить полк стратегической авиации для бомбардировки военных целей в Израиле. Мы изучали карты и особенности системы ПВО Израиля... Была серьезная и реальная подготовка и спешка... Мы загружали бомбы и ждали сигнала атаковать...» (9).

Все это, конечно, встревожило Белый Дом. Шестой флот США, находившийся в Средиземном море, получил приказ ускорить движение к району конфликта. Как признал в своих мемуарах президент США, ситуация заметно накалялась. Все это активизировало дальнейший оживленный обмен посланиями по «горячей линии» между Джонсоном и Косыгиным. Наличие «горячей линии» сыграло неоценимую роль в поддержании постоянного контакта между Москвой и Вашингтоном. Оно позволило Белому дому и Кремлю предотвратить опасную неопределенность намерений и действий обоих правительств (быть втянутым в ближневосточный конфликт) и открывало путь к переговорам.

Впрочем, в реальные планы Кремля не входило осуществление каких-либо конкретных военных акций против Израиля. Знали, что это будет чужая война, за чужие цели, и русские солдаты станут гибнуть без доблести и погребаться без почести, «а в это время молодые арабские парни будут пить кофе и до хрипоты спорить в кабачках и кофейнях, которых так много во всех арабских странах, у кого больше шансов на победу – у Израиля или арабов?» (10).

Вечером 10 июня Израиль прекратил военные действия на всех фронтах. Были подписаны соглашения о прекращении огня. «Шестидневная война» завершилась сокрушительным поражением Египта – «головой арабского мира», Сирии, традиционно именуемой «сердцем арабского мира», родиной движения за арабское единство, и Иордании,

часть территорий которых оказалась оккупированной Израилем: египетский Синай, сирийские Голанские высоты, Западный берег реки Иордан и район Газы.

13 июня в Нью-Йорке советский представитель в Совете Безопасности дал понять, что его правительство намерено дипломатическим путем вернуть арабам то, чего те не сумели добиться военным. Советский представитель в ООН Н.Т. Федоренко предостерег, что бездействие Совета Безопасности может «сделать необходимым поиск других путей и средств выполнения Устава ООН». Это было одним из самых жестких советских заявлений. Но даже оно не очень взволновало представителей других великих держав. Американцы, правда, испытывали некоторое замешательство в плане того, что их политика оказалась столь неэффективной, и полагали, что должны в любом случае обеспечить поддержку Израилю, предоставив ему так называемую «охранную грамоту». В результате, 14 июня предложение Федоренко поддержали только четыре делегата – остальные воздержались. Раздраженный этой неудачей, Федоренко прибег к новой тактике. Он потребовал созыва внеочередной сессии Генеральной Ассамблеи. Советская сторона, излагая свое предложение о немедленном созыве чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отметила, что на сессии должны быть приняты такие решения, которые способствовали бы ликвидации последствий конфликта. Кроме того, как утверждает Е.Д. Пырлин, «в условиях, когда только что закончились ожесточенные вооруженные столкновения, было необходимо из перегретого сверх меры ближневосточного «котла» выпустить хотя бы часть «пара» возмущения, ненависти и жажды реванша, захлестнувшего практически все арабские страны» (11), «охладить страсти» враждующих сторон.

Чтобы подчеркнуть ту важность, которую придавала ей Москва, 17 июня 1967 года в Соединенные Штаты на сессию Генеральной ассамблеи Объединенных Наций прибыл сам Косыгин – премьер-министр СССР. На пути в США и обратно он останавливался в Париже, чтобы встретиться с генералом де Голлем. Как известно, президент Франции после начала Шестидневной войны занял резко антиизраильскую позицию, несмотря на активную поддержку Израиля широкими слоями французской общественности. Однако советский премьер не считал нужным для себя побывать в Лондоне.

В своем выступлении на сессии Генеральной ассамблеи ООН Косыгин А.Н. обвинил Соединенные Штаты и Великобританию в сговоре с сионистами и снова потребовал осуждения Израиля, его полного отхода с оккупированных арабских территорий и выплаты финансового возмещения арабским странам. Арабские делегаты, разумеется, единодушно поддержали советское предложение. Их примеру последовало

большинство мусульманских стран, а также все страны коммунистического блока.

Вместе с тем глава советского правительства подчеркнул, что до тех пор, пока войска Израиля будут продолжать занимать захваченные территории, пока не будут приняты срочные меры по ликвидации последствий агрессии, военный конфликт может вспыхнуть с новой силой в любую минуту.

А.Н. Косыгин особо отметил важность решения, которое может принять Генеральная ассамблея; это решение расчистило бы путь к восстановлению мира на Ближнем Востоке. «Эта задача, – сказал Косыгин, – может быть решена только в том случае, если многообразис и сложности современного мира не заслонят собой то общее, что соединяет друг с другом государства и народы – и в первую очередь необходимость предотвратить военную катастрофу. В выступлении Косыгина было изложено глубокое видение ближневосточной ситуации: «Если проанализировать события на Ближнем Востоке, то нельзя не прийти к выводу, что война между Израилем и арабскими государствами не есть результат какого-нибудь недоразумения или недостаточного понимания сторонами друг друга. И это не просто локальный конфликт. События, которые имели недавно место на Ближнем Востоке в связи с вооруженным конфликтом между Израилем и арабскими государствами, необходимо рассматривать именно в контексте всей международной обстановки в мире... Факты неопровержимо свидетельствуют о том, что ответственность за развязывание войны, за ее жертвы, за ее последствия несет Израиль. Но если кому-нибудь нужны еще доказательства того, что на Ближнем Востоке войну развязал Израиль, что он является агрессором, то такое доказательство дал он сам. Невозможно истолковать иначе отказ израильского правительства поддержать предложение Советского Союза о созыве Генеральной Ассамблеи ООН. Если бы правительство не чувствовало за собой вины перед народами мира, оно не боялось бы так нашего обсуждения и тех возможных решений, которые должна будет принять Генеральная ассамблея» (12).

Отметив, что Совет Безопасности уже обратился к правительству Израиля с требованием «обеспечить сохранность, благополучие и безопасность» населения тех территорий, которые были оккупированы Израилем, советский премьер-министр подчеркнул: «ООН должна заставить Израиль уважать международные законы. Организаторов и исполнителей преступлений, совершаемых на оккупированных территориях арабских стран, следует привлечь к суровому ответу... Мы предупреждали правительство Израиля как до начала агрессии, так и в ходе войны, что, если оно решило взять на себя ответственность за развязывание военных конфликтов, то это правительство должно будет заплатить

полной мерой за последствия такого шага. Когда речь идет о войне и мире, о защите прав народов, нет и не должно быть места зигзагам в политике... Агрессивная война, развязанная ныне Израилем против арабских стран, есть прямое продолжение политики, которую правящие экстремистские круги навязывают своей стране в течение всего существования израильского государства... Только на пути мира, на пути отказа от агрессивной политики в отношении соседних государств Израиль может утвердить свое место среди государств мира... Если мы здесь, в ООН, не примем должных мер, то даже те государства, которые не являются участниками конфликта, могут сделать вывод, что им не придется рассчитывать на защиту со стороны ООН и, стремясь обезопасить себя, пойдут по пути наращивания своих военных бюджетов. Те, кому дороги интересы мира, не могут и не должны допустить развертывания событий в таком направлении».

В заключительной части своего выступления Косыгин изложил неизменную философию советской внешней политики о роли, которую призвана сыграть Генеральная ассамблея в разрешении конфликтной ситуации на Ближнем Востоке. Он, в частности, сказал: «Посильны ли для Генеральной Ассамблеи стоящие перед ней задачи, может ли она их разрешить? Мы считаем, что – да, посильны. Генеральная Ассамблея должна сказать свое веское слово в пользу справедливости, в пользу мира». Далее Косыгин особо подчеркнул: «Созыв чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи – факт большой международной важности. Если бы случилось так, что Генеральная ассамблея оказалась бы неспособной найти решение в интересах мира, то это нанесло бы тяжелый урон надеждам человечества на возможность урегулирования крупных международных проблем мирным путем, посредством дипломатических контактов и переговоров. Все государства, проявляющие подлинную заботу о будущем своих народов, не могут не принять это во внимание» (13).

Косыгин также заявил, что действия «израильских захватчиков на оккупированных ими территориях напоминают ужасные преступления гитлеровской Германии». Когда после его выступления слово взял министр иностранных дел Израиля, который рассчитывал опровергнуть советские обвинения, Косыгин покинул зал заседания. Советская резолюция была отвергнута Генеральной Ассамблеей ООН (14).

Советский посол в США А.Ф. Добрынин вспоминал об этом так:

«Надо сказать, что в своем основном выступлении на Ассамблее он (Косыгин. – С.А.), помимо резкой критики в адрес Израиля, четко сформулировал право Израиля на независимое существование, чем и вызвал большое недовольство арабских делегаций. Ввиду упорного отказа арабских государств принять компромиссный латиноамериканский

проект резолюции, который и США и СССР считали приемлемым. 21 июля 1967 года чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи прервала свою работу. Вопрос ближневосточного урегулирования был передан на рассмотрение Совета Безопасности ООН» (14).

23 и 25 июня 1967 года состоялась встреча Косыгина с Джонсоном в небольшом городке Гласборо (штат Нью-Джерси). Как вспоминал советский посол А. Ф. Добрынин: «Косыгина встретил на крыльце дома президент Джонсон. С ним приехали Раск, Макнамара, Банди и У. Ростоу. Присоединились супруга президента и дочь Косыгина, которые имели свою отдельную программу. Последовали фотосъемки. Жители аплодисментами тепло приветствовали руководителей обеих стран. Джонсон и Косыгин обратились с краткими речами к собравшимся, после чего опять их фотографировали. Наконец, все участники встречи вошли в дом.

Джонсон предложил вначале побеседовать какое-то время вдвоем. Косыгин сразу согласился. Однако в результате они так увлеклись, что фактически весь разговор до обеда прошел наедине в присутствии лишь переводчиков. Мы же в это время сидели в другом зале и вели свободный разговор между собой, дожидаясь окончания основной беседы» (15).

В ходе первой встречи Косыгин особый упор делал на ближневосточной проблеме. Примечательно, что Джонсон не стремился как-то оправдать политику Израиля. Он повторил, что США выступают за отвод израильских войск с захваченных территорий и за территориальную целостность стран этого района. В свою очередь, Косыгин осуждал Израиль, настаивал на скорейшем выводе его войск, но упрямо и твердо признавал его право на независимое существование, став незримым хранителем Израиля, народ которого подкупал своей стойкостью в борьбе за жизнь, своей неугасимой верой в торжество правды – верой, без которой нет человека. Впоследствии эту встречу Джонсон описал так: «Каждый раз, когда я поднимал вопрос об ОСВ, он менял тему на события на Ближнем Востоке... Стоило мне заговорить о ракетах, Косыгин говорил об арабах и израильтянах» (16).

Сразу же после первой встречи с Косыгиным Джонсон сделал следующее заявление: «Мы не пришли к новому соглашению, этого нельзя достичь в результате одной беседы, но мне кажется, что мы достигли лучшего взаимопонимания». Косыгин и Джонсон, очевидно, нашли общий язык как люди и как профессиональные политики, между которыми установились отношения, которые можно назвать доверительными. Энергия, оптимистический настрой прочитываются за сухими записями бесед двух выдающихся политиков.

Поэтому ничто не давало основания предположить, что Косыгин и Джонсон могут сделать что-то большее, чем изложить свои позиции по Ближнему Востоку. Едва ли можно считать прогрессом тот вывод, к которому они пришли – к признанию «права Израиля на национальное существование». Москва этого права никогда не оспаривала, пренебрегая при этом правом Израиля на безопасное существование.

В целом, встреча в Гласборо проходила в благожелательной атмосфере. Джонсон хорошо играл роль хозяина. Косыгин сообщил в Политбюро, что «Джонсон и его окружение держались дружелюбно, оказывали нам всяческое внимание и старались показать, что они ищут решения важнейших вопросов» (17).

Вторая встреча между Джонсоном и Косыгиным продолжалась в два приема: четыре и три четверти часа. Однако конкретных результатов на встрече было достигнуто мало. Советский посол А.Ф. Добрынин вспоминал: «Отсутствие конкретных результатов на встрече в Гласборо объяснялось объективными причинами: не было в тот момент реальной возможности «прорыва» на каком-либо важном направлении. Но сказывалось также, очевидно, и отсутствие у Косыгина достаточных полномочий от Политбюро, чтобы он мог вести масштабный и продуктивный разговор. Надо помнить, что это была единственная советско-американская встреча на высшем уровне, в которой не участвовал Генеральный секретарь ЦК КПСС. А Брежнев не очень-то хотел способствовать личному успеху Косыгина» (18). Аналогичную точку зрения высказывает в своих работах Е.М. Примаков: «У Косыгина не было полномочий... Вообще Брежнев очень ревниво относился к его миссии – это была первая советско-американская встреча в верхах без Генерального секретаря и даже именовалась как «промежуточная» перед заседанием Генеральной Ассамблеи ООН, на которую и был направлен Косыгин в качестве главы советской делегации.

Двусмысленное положение председателя советского правительства, не имевшего полномочий, обернулось, как мне представляется, упущенной возможностью связать с выводом израильских войск на позиции, которые они занимали до начала «шестидневной войны», переговоры США с Вьетнамом» (19). В действительности, Л.И. Брежнев, о котором в общественном сознании сложилась легенда как о заурядном политике, вряд ли был меньшим мастером политики, чем А. Косыгин. Безусловно, это был имидж исторический нарратив. При Брежневе, не склонном к импровизациям и нагнетанию страстей, отлаженный механизм советской внешней политики продолжал функционировать бесперебойно, главным было не раскачивать «лодку» сверх меры. В свою очередь СССР достиг верхней точки своего стратегического господства,

а без активной позиции Брежнева этого вполне могло бы не быть. Данное утверждение может показаться спорным, и все-таки оно верно.

После встречи между Косыгиным и президентом Джонсоном стало очевидным, что Советский Союз не намерен оспаривать результаты войны, и не пойдет на столкновение с Соединенными Штатами на Ближнем Востоке. Несогласованность действий Косыгина – Джонсона надолго бы отсрочила «принуждение к миру», а значит, не позволила бы избежать всех ужасов унылой жницы войны и остаться живым.

Тем не менее, в конце июля 1967 г. тяжелые транспортные самолеты совершили 500 рейсов из Советского Союза в Египет (20).

В октябре 1973 года на Ближнем Востоке запылала очередная арабо-израильская война. Это была самая кровопролитная и наиболее безжалостная война. Октябрьская война превзошла все прежние арабо-израильские войны по численности участвовавших в ней танковых и мотострелковых подразделений, по числу задействованных боевых самолетов и вертолетов, по размерам зоны, охваченной сухопутными сражениями (21).

В заявлении Советского правительства от 7 октября 1973 года было подчеркнуто, что ответственность за создавшееся на Ближнем Востоке положение и его возможные последствия целиком и полностью ложится на Израиль и те внешние реакционные круги, которые постоянно потворствуют Израилю в его агрессивных устремлениях. В этом Заявлении были решительно поддержаны законные требования арабских государств об освобождении всех оккупированных в результате июньской войны 1967 г. арабских территорий.

Дипломатические действия СССР в первые четыре дня войны – 6, 7, 8 и 9 октября не выходили за пределы Кремля и МИДа на Смоленской площади, но отличались внимательностью к решаемым проблемам. Как отмечал один из представителей «оперативной группы» МИДа, совещания по вопросам арабо-израильского конфликта происходили в кабинете Л.И. Брежнева практически каждый день. В некоторых из них, сравнительно узких по составу присутствующих, принимали участие: министр обороны СССР А.А. Гречко, председатель КГБ Ю.В. Андропов; в некоторых – почти все члены Политбюро. Политбюро же в свою очередь заседало практически ежедневно, зачастую на его заседаниях вызывались специалисты, непосредственно отвечающие за те или иные конкретные аспекты политики на Ближнем Востоке.

На первых заседаниях, как правило, рассматривались срочные вопросы, в частности содержание посланий Брежнева к Никсону, лидерам арабских государств, важнейшие внешнеполитические документы. В ходе вторых происходило обсуждение основных направлений внешней

политики Советского Союза в связи с событиями на Ближнем Востоке, и принимались соответствующие решения (22).

Уговорить египтян прекратить огонь советским дипломатам не удалось, поскольку египетские войска в первые дни конфликта владели на поле боя оперативной инициативой. С учетом этого, советская дипломатическая линия стала меняться. Виноградов информировал Сада-та, что СССР создает «воздушный мост» для переброски оружия для Египта. «Мост» начал действовать вечером 9 октября, а советское военное руководство, внимательно следившее за ходом военных действий, выдало ряд рекомендаций по возможному военному развитию конфликта (например, совет о захвате стратегически важных перевалов). Таким образом, определился профиль советской внешней политики – не прекращение огня, а реальная поддержка своих союзников на Ближнем Востоке. Думается, что приоритет последней есть результат давления на Брежнева со стороны министра обороны СССР А.А. Гречко, отличавшегося желанием обострить любое противостояние Востока и Запада. Особенно, если вспомнить о том, что именно «военные ... принудили советское руководство к разрыву дипломатических отношений с Израилем, что явно противоречило интересам нашей страны» (23), – писал известный общественный и политический деятель А.Н. Яковлев. Однако последующие события заставили советскую сторону реалистичнее взглянуть на происходящие события.

9 и 10 октября бои на Синайском полуострове и на Голанских высотах отличались особой жестокостью. Решался вопрос: кто кого (Израиль к этому времени уже смог оправиться от неожиданного удара и мобилизовать все свои силы). Ситуация изменилась мгновенно: 11 октября из войны вышла Сирия, Египет остался один на один с Израилем.

Еще вечером 10 октября представителю СССР в Совете Безопасности ООН было дано указание – в случае внесения резолюции о прекращении огня при голосовании воздержаться («заявив о законности борьбы арабов за изгнание израильских оккупантов») (24), а в случае необходимости применить принцип «вето», изложив при этом соответствующие аргументы. С одной стороны, СССР рассчитывал дать Египту шанс исправить ситуацию на фронте в свою пользу, а с другой, желал сохранить свое собственное лицо перед мировой общественностью как ближневосточного миротворца.

11 октября в Москве министр иностранных дел СССР А.А. Громыко встретился с послами Египта, Сирии, Алжира, Иордании. Советские газеты, естественно, не сообщали то, о чем шла речь на встрече, а советские дипломаты-мемуаристы не упоминают об этих встречах вообще. Представляется возможным, что СССР начал «дипломатическое наступление», имевшее своей целью побудить арабские страны высту-

пать единым фронтом с Египтом и Сирией. В первую очередь это касалось Ирака, Иордании и Алжира; причем первые два государства всерьез рассматривались как военные союзники египетско-сирийского блока (Иордания даже передала в распоряжение вооруженных сил Сирии свою танковую бригаду), а Алжир выступал в качестве финансового «спонсора».

Однако усилия Советского Союза пропали даром. 14 октября израильская сторона полностью перехватила инициативу в свои руки. Египетские войска откатывались по Синайскому полуострову к Суэцкому каналу столь стремительно, что ситуация менялась – не в их сторону – с каждым днем и часом.

16 октября Садат поставил в египетском парламенте вопрос о возможных переговорах с Израилем, выдвинув условие: Египет прекращает военные действия, а Израиль возвращает «оккупированные» в 1967 г. арабские земли. Израильское руководство ответило на это условие приказом двинуть танковые колонны на Каир, и через несколько дней в окружении оказалась огромная группировка египетских войск.

16 октября в Египет прибыл советский премьер-министр А.Н. Косыгин, цель поездки которого заключалась в необходимости убедить Садата прекратить огонь по всей линии фронта. Сам факт прилета в Каир даже не министра иностранных дел, а председателя Совета министров СССР говорит о важности проблемы, которая стояла перед советской стороной на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. С этого дня египетский президент встречался каждый день с самим Косыгиным: «Обмен мнениями с Садатом происходил и наедине, и в присутствии советского посла и помощника президента. Садат держался внешне дружелюбно, но упрямо: отрицал какие-либо неблагоприятные изменения в военной обстановке, требовал каких-то «гарантий» в дальнейшем поведении израильтян. Прорыв израильтян на западный берег канала вновь назвал незначительным явлением, «политическим маневром» (25). Владимир Кирпиченко вспоминал: «А.Н. Косыгин ежедневно встречался с египетским руководством во дворце Куба, где он жил, а потом ехал в посольство докладывать в Москву о результатах переговоров и о развитии событий. Откровенных бесед с Садатом не получалось, и после действительно теплых отношений с Насером Алексей Николаевич никак не мог привыкнуть к насквозь фальшивому Садату, чего и не скрывал в разговорах с сотрудниками посольства» (26).

Переговоры продолжались вплоть до 19 октября. Сначала Садат упрямо отвергал саму идею безоговорочного прекращения боевых действий, требуя от советской стороны лишь одного – увеличения поставок вооружения. Но Косыгин, оставаясь неизменно спокойным и терпеливым, ознакомил Садата с разведанными, которые демонстрировали.

насколько серьезно израильские войска укрепились на плацдарме – на западном берегу Суэцкого канала – и изложил, чем может грозить дальнейшее развитие ситуации. После этого Садат был «сломлен». Это говорит о том, что Косыгин нашел достаточно аргументов. Садат «молчаливо» согласился с советской инициативой. В результате долгого и обстоятельного разговора, имевшего целью выяснить точнее политическую позицию Египта, Садат сообщил что он мог бы согласиться с прекращением огня, если Израиль пойдет на выполнение резолюции № 242 Совета Безопасности ООН (от 23 ноября 1967 г.) относительно вывода своих войск с «оккупированных арабских территорий». На время вывода израильских войск между последними и египетскими войсками Садат просит создать «буфер» из советских и американских военнослужащих. Кроме того, должна была быть созвана международная конференция для урегулирования всей ближневосточной проблемы (вопрос о палестинцах, судьба западного берега реки Иордан, сектора Газы и др.) (27).

19 октября Косыгин, приняв на себя всю тяжесть ответственности за человеческое неблагополучие народов Ближнего Востока, отбыл в Москву. В тот же день состоялась еще одна встреча Садата и советского посла В. Виноградова, во время которой египетский президент подтвердил, что Египет согласен на прекращение огня. В своих воспоминаниях советский посол в Египте приводит разговор с Садатом в этот день почти дословно:

«Садат:

– Я прошу Вас срочно передать в Москву мою просьбу о том, чтобы как можно скорее было установлено прекращение огня. У вас ведь есть контакты с американцами. Я прошу Вас действовать как можно скорее.

Виноградов:

– Я понял Вас, – сказал я, насколько мог спокойно (вот и неожиданный конец!). – Хотел бы повторить: Вы просите о том, чтобы как можно скорее было установлено прекращение огня с оставлением войск на занимаемых позициях.

– Да, – кивнул Садат» (28).

Советские дипломаты могли с полной ответственностью и уверенностью записать себе в актив решение вопроса о прекращении огня египетской стороной. Для этого, правда, дипломатам пришлось «привлечь к делу» самого председателя Совета министров СССР, но иной столь же весомой фигуры не было, и с Садатом на равных мог разговаривать только А.Н. Косыгин, в совершенстве владевший сложным искусством ведения международных переговоров. Он умел находить общий язык с людьми, менталитет которых существенно был другим, мог

не только разобраться в характере собеседника и понять, что им движет, но даже подстроиться под его настроение. Только единое цельное ощущение мира, большой политический такт и дипломатическое искусство позволили Алексею Косыгину предотвратить разрастание военных действий, остановить танки и заставить замолчать пушки. Результат его дипломатической поездки в Каир превзошел все ожидания. То был внешнеполитический триумф, вошедший в историю советской дипломатии. Советская Россия доказала, что обладает силами, способными сберечь мир... Не случайно Садат признавал, что в октябрьские дни 1973 г. Советский Союз занимал «позицию истинного друга, который пришел к нам на помощь в самые ответственные и трудные для нас дни. Действия советского руководства являются историческими по своему значению и, несомненно, будут иметь большое влияние на дальнейшие отношения дружбы между нашими странами» (29).

Итак, парадоксальным образом А.Н. Косыгин выступил не ярым и бескомпромиссным «солдатом» советского режима, как полагалось бы одному из лидеров СССР, а разумным и поразительно хладнокровным прагматиком. Похоже, что идея примирения арабов и евреев в системе его политических идеалов была выше идеи их бескомпромиссной борьбы. С уходом Косыгина, которому удалось выстроить устойчивую систему честной дипломатии (как форму «управляемого хаоса», которая служит средством снятия международной напряженности), начали стремительно рушиться и без того уже непрочные мосты, связующие народы Ближнего Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кирпиченко В. Разведка: лица и личности. М., 2001.
2. Цит. по: Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. М., 2002. С. 64.
3. Там же. С. 65.
4. Пырлин Е.Д. Указ. соч. С. 65.
5. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М., 2006. С. 262.
6. Правда. 11 июня 1967.
7. Примаков Е.М. Указ. соч. С. 262-263.
8. Он должен был уничтожить Израиль...// Родина. 1996, №7-8, С. 112-113.
9. Там же. С. 112.
10. Смирнов А.И. Израиль в огне Джихада. М., 2004. С. 259.
11. Корниенко Г.М. «Холодная война». Свидетельства ее участника. М., 2001. С. 74.
12. Пырлин Е.Д. Указ. соч. С. 73.
13. Пырлин Е.Д. Там же. С. 74-75.
14. Пырлин Е.Д. Там же С. 76.
15. Черчилль Р.С. и У. Шестидневная война. Иерусалим, 1989.
16. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). М., 2008. С. 154.
17. Добрынин А.Ф. Там же. С. 155-156.

18. Громько А.А. Памятнос. М., 1990. Т.1. С. 277.
19. Добрынин А.Ф. Там же. С. 159.
20. Там же.
21. Он должен был уничтожить Израиль...// Родина. 1996. №7-8. С. 124.
22. Черчилль Р.С. и У. Указ. соч.
23. Пырлин Ф.Д. Указ. соч. С. 168.
24. Иераэлян В. На фронтах холодной войны: Записки советского посла. М., 2003. С. 226.
25. Яковлев А.П. Сумерки. М., 2005. С. 256-257.
26. Корниченко Г.М. Указ. соч. С. 204.
27. Виноградов В. Дипломатия: люди и события. Из записок посла. М., 1998. С. 246.
28. Кириченко В. Указ. соч.
29. Виноградов В. Указ. соч. С. 246.
30. Там же.

Sergey V. Abramov

SHUTTLE DIPLOMACY OF SOVIET PREMIER A.N. KOSYGIN

Abstract: This paper is devoted to the diplomatic activity Chairman of the Council of Ministers of USSR Kosygin during the Arab-Israeli wars. Autor concluded that due to the activities of Kosygin succeeded in building a sustainable system of shuttle diplomacy to resolve the conflict in the Middle East.

Keywords: A.N. Kosygin, Arab-Israeli wars, shuttle diplomacy, L. Johnson, A. Sadat.

И.В. Грибан, Д. Юнханнс

Грибан Ирина Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, директор Музея истории УрГПУ.

Юнханнс Дирк, референт академии повышения квалификации (г. Бад Вильдбад).

«КОНТРОВЕРЗА ГОЛДХАГЕНА» В ПРОЦЕССЕ «ПРЕ- ОДОЛЕНИЯ ПРОШЛОГО»: К ИСТОРИИ ДЕБАТОВ О ВИНЕ НЕМЦЕВ

Аннотация: В статье авторы анализируют проблемы соотношения памяти, прошлого и настоящего на материале дискуссии «о вине